

В. Ф. КОННОВА

НЕСКОЛЬКО ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС НА СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТЕРРИТОРИИ

В лингвистической литературе последнего времени¹ предпринимаются многочисленные попытки найти и описать системные закономерности на лексико-семантическом уровне языка. Эти попытки относятся как к изучению изменений значений слов, т. е. к диахроническому плану исследования, интерес к которому имеет давнюю традицию, так и к анализу лексико-семантических систем в синхронном аспекте. Результаты таких исследований могут иметь большое значение для практической работы этимологов, лексикологов и лексикографов¹ и для разработки общей теории лексико-семантической системы языка и типологических аспектов ее изучения².

Синхронный анализ лексики славянских языков предполагает раздельное рассмотрение лексико-семантических отношений в пределах одной языковой системы (монокронной и монотопической³) и в разных языковых системах одного синхронного среза (лингвогеографический подход), причем синхронная географическая картина представляет собой проекцию диахронического плана. Таким образом, можно говорить о чисто синхронических лексико-семантических отношениях в пределах одной языковой системы, синхронно-диахронических отношениях (лингвогеографических, разнотопических), чисто диахронических отношениях (изменения семантики слов и лексико-семантических отношений на временной оси существования одной и той же языковой системы, взятой вне фактора ее территориального существования) и, наконец, о диахронических лингвогеографических отношениях, изучаемых в трехмерном пространстве⁴, т. е. об изменениях территориальных лексико-семантических противопоставлений на временной оси.

Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА) может показать на своих картах чисто синхронные и синхронно-диахронические отношения в области лексики и семантики славянских языков и диалектов, а тем самым дать материал для сравнительно-исторических и типологических исследований в этой области. Возможность типологического подхода к лексико-семантическим явлениям, правда, не всем ученым представляется одина-

¹ Ср.: О. Н. Трубачев, Актуальные проблемы славяноведения, «Краткие сообщения Института славяноведения», 33—34, 1961, стр. 209; его же, «Таять» и «молчать». О необходимости семасиологического словаря нового типа, «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964, стр. 100—105.

² Ср.: Н. И. Толстой, Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии, «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 339.

³ Терминология Р. И. Аванесова. См.: Р. И. Аванесов, Описательная диалектология и история языка, «Советское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1963, стр. 229. Монокронной и монотопической может считаться система одного говора. Монокронной системой, взятой вне пространственных отношений, является система литературного языка данного синхронного среза.

⁴ Р. И. Аванесов, указ. соч., стр. 311.

ково убедительной⁵. Однако целым рядом исследований доказано, как кажется, существование определенных универсалий и законов на лексико-семантическом уровне языков (одного или разных), которые могут претендовать на то, чтобы стать основами лексико-семантической типологии. Неизбежно количество таких универсалий и законов по сравнению с другими уровнями языка будет большим — пропорционально количеству исходных конкретных единиц каждого из этих уровней. О. Н. Трубачев приводит ряд примеров семантических изменений, общих большому количеству индоевропейских языков⁶. Эти примеры можно считать случаями лексико-семантической типологии диахронического плана. Н. И. Толстой представил опыты синхронической и лингвогеографической типологии лексико-семантических микрополей в славянских языках⁷.

Таким образом, можно говорить о синхронической и диахронической типологии лексико-семантических отношений в системах славянских языков⁸. Синхроническая типология — это типология значений слов одного синхронного среза в системе одного языка и в языках различных типов, в пределах одной языковой системы и в пределах монокронных систем некоторого диалектного континуума; синхроническая типология включает в себя чисто синхронический аспект изучения лексико-семантических отношений и синхронно-диахронический аспект, являющийся связующим звеном синхронической и диахронической типологии. Диахроническая типология охватывает типологию изменений значений в пределах одного языка и группы родственных (а возможно и неродственных) языков и может строиться на материале лингвогеографических (синхронно-диахронических) отношений в области лексики и семантики, чисто диахронических отношений в пределах одной языковой системы и диахронических территориально противопоставленных лексико-семантических различий. Общеславянский лингвистический атлас должен дать богатый материал для сравнительно-исторических и типологических исследований лексики и семантики славянских языков.

Обратимся к примеру одной лексико-семантической группы слов в Вопроснике ОЛА, связанной с названиями зерновых культур⁹. Изученный

⁵ Ср.: V. Skalička, Wortschatz und Typologie, «Asian und African Studies», I, Bratislava, 1965, стр. 152—157; В. Скаличка, К вопросу о типологии, ВЯ, 1966, 4.

⁶ О. Н. Трубачев, «Таять» и «молчать»...

⁷ Н. И. Толстой, указ. соч., стр. 345—352; е го ж е, Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, I, ВЯ, 1963, 1; II, ВЯ, 1966, 5; е го ж е, О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов, «Проблемы лингво- и этнографии и ареальной диалектологии (тезисы)», М., 1964, стр. 37. См. также: Г. П. Клепикова, Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя), «Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу», М., 1968.

⁸ Ср. интересную статью В. В. Левинского «К вопросу о принципах и методах сравнительно-семасиологических исследований» («Уч. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Тореза», 33, 1966).

⁹ Материалом для статьи послужили хранящиеся в Институте русского языка АН СССР картотеки ответов на Вопросник ОЛА, в основном из русских населенных пунктов (около 130), нескольких украинских, одного болгарского и четырех лужицких населенных пунктов, материалы ОЛА белорусских населенных пунктов, хранящиеся в Институте языкознания АН БССР, материалы из двух польских населенных пунктов, хранящиеся в Институте языкознания ПАН, материалы карт пробного выпуска ОЛА (в печати); ответы на специально составленную анкету, любезно присланные А. А. Кривицким, Ф. Д. Климчуком, Н. В. Бирилло, В. А. Лемтюговой, А. К. Бакунович (белорусский язык), Т. В. Назаровой, Г. Ф. Пелех (украинский язык), Сектором диалектологического атласа и диалектного словаря польского языка Института языкознания ПАН в Кракове (польский язык), Ф. Михалком (лужицкий язык), А. Габовштиком (словац-

материал дает возможность наметить изоглоссы на славянской языковой территории, характеризующие лексические различия названий одного и того же десигната, и семантические противопоставления слов, которые на основании диахронического тождества идентифицируются как межсистемные славянские языковые единицы¹⁰.

1. *Žito*. Семантическое развитие этого праславянского слова не становилось объектом исследования. Тщательный анализ семантических различий слов, восходящих к **žito*, в современных славянских языках и диалектах, подытоживающий все собранные до сего времени материалы и точки зрения на историю этого слова, выполнен Г. П. Клепиковой и В. В. Усачевой¹¹. Признавая справедливость общих выводов авторов, сделаем несколько частных замечаний. На карте пробного выпуска ОЛА, посвященной семантическим различиям слова *žito*¹², границы распространения значений «зерновые культуры», «ячмень», «рожь», «пшеница» представлены в определенном смысле более огрубленно, чем на карте, приводимой Г. П. Клепиковой и В. В. Усачевой. Это объясняется прежде всего менее густой сеткой населенных пунктов ОЛА, чем в национальных и региональных атласах, материалы которых были использованы авторами для составления карты, и неполнотой материалов ОЛА (обследование населенных пунктов атласа еще не закончено). Кроме того, карта Г. П. Клепиковой и В. В. Усачевой составлена по материалам, зафиксировавшим состояние славянской лексики на протяжении последнего столетия; естественно, что на карте ОЛА отразились изменения, происшедшие за это время в говорах, и прежде всего процессы нивелировки диалектных различий.

Данные пробной карты ОЛА, посвященной семантическим различиям слова *žito*, могут быть уточнены на русской территории по материалам

кий язык), Б. Видоеским (македонский язык), И. Кочевым (болгарский язык); подготовленные к печати тома «Атласа русских народных говоров» (АРНГ) (Института русского языка АН СССР; картотеки Словаря русских народных говоров (СРНГ) словарного сектора Института русского языка АН СССР в Ленинграде; картотеки Псковского областного словаря (ПОС), хранящейся в словарном кабинете им. Ларина ЛГУ; картотеки Минского областного словаря, хранящейся на кафедре белорусского языка Белорусского гос. университета; собственные диалектные записи. Всем, кто так или иначе способствовал увеличению моей картотеки, выражаю глубокую и искреннюю благодарность и признательность.

¹⁰ Символами этих единиц могут служить реконструированные праславянские словоформы. Именно так использовались подобные записи в Вопроснике ОЛА.

¹¹ Г. П. Клепикова, В. В. Усачева, Лингвогеографические аспекты семантики слова **žito* в славянских языках, «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования», М., 1965. Авторы приходят к выводу, что «в праславянском языке *žito* обозначало родовое понятие „зерновые культуры вообще, зерновой хлеб“». Для обозначения же отдельных видов зерновых существовали названия **ječmy*, **proso*, **ryšenica*, **ryžь*. В дальнейшем, уже в отдельных диалектах праславянского языка, **žito* могло сохранять свое старое значение (иногда оно сужалось до более конкретного значения „зерновые на корню“, „яровые хлеба“) и тогда видовые понятия, как и раньше, выражались словами **ječmy*, **proso* и т. д... Иначе обстояло дело в тех праславянских диалектах, где слово **žito*, утрачивая общее значение „зерновые культуры вообще“, начинало обозначать какой-либо один вид зерновых (Hordeum, Panicum, Secale и т. д.) — в зависимости от того, какая культура была главной в той или иной области. В этом случае какое-то время сосуществовали два слова, обозначающие одну и ту же зерновую культуру (например, **žito* — **ječmy*, **žito* — **proso*, **žito* — **ryšenica*, **žito* — **ryžь*). Постепенно одно из этих слов утрачивалось» (стр. 169). Ср. подобный вывод Я. Белича о семантическом развитии слова *žito* в связи с лексико-семантическими различиями в чешском языке (J. Bělič, Dolská nářečí na Moravě, Praha, 1954, стр. 175—176; его же, Hranica žito — pšenice v oblasti dolských nářečí, «Vlastivědný vestník moravský», 1947, 2, стр. 122. Я. Белич указывает на возможность исконного значения «зерновые культуры вообще» и у слова **ryšenica*).

¹² В сб. «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1971» (в печати).

Атласа русских народных говоров¹³. *Žito* в значении «ячмень» распространено на северо-западной части русской территории. Этой территории на севере наиболее отчетливо противопоставляется диалектный массив, где *žito* означает общее название зерновых культур, прежде всего хлеба в зерне, реже хлеба на корню. В некоторых севернорусских говорах (побережье Онежского озера, верховья р. Юга, к юго-востоку от Вологды), а также в отдельных населенных пунктах на всей русской территории отмечено значение «яровые хлеба», которое можно считать очень близким к значению «зерновые культуры вообще», так как обычно в понятие «яровые хлеба» входят все виды зерновых, за исключением ржи; чаще всего только рожь и бывает озимой, т. е. в этих случаях может иметь место противопоставление: *rъžь* «рожь» (озимая) — *žito* «все зерновые культуры» (яровые). Значение «зерновые культуры» распространено в группе говоров к югу от Москвы. В говорах к юго-западу от Москвы по всему пограничью с украинским и белорусским языком (более узкая полоса в Смоленской и Брянской областях, более широкая на юге, охватывающая большую часть южновеликорусских говоров) преобладает значение «рожь», известное и в отдельных населенных пунктах на всей территории русского Севера. Другие значения слова *žito* по материалам АРНГ выступают или в отдельных населенных пунктах, или в небольших группах говоров. Это значение «пшеница» в нескольких населенных пунктах на севернорусской территории и в говорах к западу от Москвы, «овес» (в трех населенных пунктах в Московской, Смоленской и Калининской областях), «зерновые и бобовые» (в нескольких населенных пунктах на севере), «хлеб в зерне» и «хлеб на корню» (в отдельных говорах на севернорусской и южнорусской территориях), а также значения, отмеченные для единичных населенных пунктов в южнорусских областях: «рожь и пшеница», «рожь, пшеница и ячмень», «рожь и ячмень», «рожь, просо, пшеница» и т. д.

Обращает на себя внимание тот факт, что в большом количестве русских населенных пунктов (и по данным Атласа русских народных говоров, и по материалам ОЛА) слово *žito* вообще неизвестно. При этом можно заметить, что эти «белые пятна» находятся на территории распространения слова *žito* в значении «зерновые культуры» и в значении «рожь» (непосредственно к югу, к юго-западу и к востоку от Москвы); можно предположить, что это слово оказалось вытесненным литературными соответствиями *хлеб/хлебá*, *рожь*. Более компактной остается территория распространения слова *žito* в значении «ячмень», хотя в настоящее время в говорах обычно известны в этом значении оба слова — *жито* и общерусское *ячмень*¹⁴.

В материалах ОЛА отмечено несколько значений слова *žito*, не указанных Г. П. Клепиковой и В. В. Усачевой и не зафиксированных в словарных и лексикологических источниках. Это «овес» в хорватском говоре на острове Вис и в отдельных русских населенных пунктах (по ма-

¹³ См. подготовленные сектором диалектологии Института русского языка АН СССР (рукопись): «Атлас русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», карта 402, «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР», карта 93 (архив), «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», карта 465, «Атлас русских народных говоров центральных областей к югу от Москвы», карта 349.

¹⁴ Процесс утраты слова *žito* в русских говорах и забвения его семантики происходит на наших глазах: в качестве архаического оно отмечено в материалах ОЛА во многих населенных пунктах на севере русской территории, где его вытесняет *ячмень*, в нескольких населенных пунктах сделаны записи: «слово пассивно известно, но значения не знают». Об этом же говорят и данные АРНГ южных областей, где есть указания на то, что слово *жито* употребляется редко, выходит из употребления, употребляется наряду со словом *рожь*.

териалам АРНГ), «кукуруза» в населенном пункте Стольвица (словенский говор в Италии), в двух сербских населенных пунктах Осечина (Валиво) и Паковраче (Чачак), в словацком говоре населенного пункта Бучаны. Эти значения вполне объясняются общей тенденцией, которая отмечена для раннего этапа развития славянских диалектов — называть словом *žito* тот вид зерновых культур, который имеет большее хозяйственное значение в данной области¹⁵.

Что касается взаимодействия родового названия *žito* с видовыми названиями в истории славянских диалектов, то этот процесс представляется более сложным, чем это сформулировано Г. П. Клепиковой и В. В. Усачевой. Это лексико-семантическое взаимодействие охватывало большее количество слов. На некоторых территориях, кроме слова *žito* и соответствующих видовых названий (прежде всего *ръжь* и *ръшенца*), в него включались слова *събожьје*, *obilje*, *trajda*. Вот как представляются эти процессы в чешских (ляшских и моравско-дольских) говорах по данным Я. Белича и А. Келлнера¹⁶. Как отмечает Я. Белич, более новые названия *obilje*, *събожьје* в значении «зерновые культуры» приводят к утрате одного из трех слов: *žito*, *ръжь*, *ръшенца*; так, при значении «зерновые культуры» у слова *obilí* в западной Моравии неизвестно *žito*, слово *rež* значит «рожь», *pšenica* — «пшеница»; в восточной Моравии утрачено слово *pšenica*, *žito* означает «пшеница», *rež* — «рожь». Как результат еще более поздних процессов может быть охарактеризована ситуация в части ляшских говоров, где *zboží* — зерновые культуры, *obile* — «рожь», *žito* — «пшеница», слова *ръжь* и *ръшенца* утрачены. В лужицких говорах¹⁷ на территории распространения слова *rzška* в значении «рожь» *žito* (*žyto*, *žito*) означает «зерновые культуры», на остальной территории слово с корнем *ръжь*- утрачено, а в общем значении выступает *trajda/trejda* < нем. *Getreide*.

Основные изоглоссы значений слова *žito* можно охарактеризовать так: значение «зерновые культуры» сохранилось на востоке славянской языковой территории (юго-восточная часть северновеликорусских, восточная часть средневеликорусских и северо-восточная часть южновеликорусских говоров) и на юге славянского мира (словенские, сербскохорватские, македонские, некоторые западные болгарские говоры). На большей части славянской языковой территории *žito* выступает в значении «рожь»: это польские, белорусские, украинские, южновеликорусские говоры, лужицкие (кроме юго-восточной их части), чешские (кроме некоторых ляшских, моравских), словацкие (кроме западнословацких), северные словенские и западноболгарские говоры. Значение «пшеница» отмечено на пограничье моравских и западнословацких говоров, на севере Сербии, крайнем юге Македонии и в большей части Болгарии. Значение «ячмень» занимает компактную территорию севера и запада великорусских говоров и появляется в хорватском диалекте населенного пункта Трогир на побережье Адриатического моря и в говоре о. Дуги Оток. Обращают на себя

¹⁵ Семантическая история слова *žito* показательна в том отношении, что в ней отчетливо проступает взаимосвязь чисто лингвистических и внелингвистических (хозяйственных, экономических) факторов в изменениях значений слов. Если на начальных этапах развития слово *žito* становилось названием важных в хозяйственном отношении зерновых культур, то сейчас можно заметить, например, что утрата этого слова на русской территории под влиянием литературного языка тоже происходит прежде всего в значениях, связанных с хозяйственно важными десигнатами («рожь», «зерновые культуры»).

¹⁶ J. Bělič, Dolská nářečí na Moravě, стр. 175—176; е го ж е, Hranice žito — pšenice v oblasti dolských nářečí, стр. 122—123, 204; A. Kellner, K slovníkovému rozrůznění východolaských nářečí, «Slezský sborník», 1947, 5, стр. 41—46; A. Kellner, Východolaská nářečí, II, Brno, 1949.

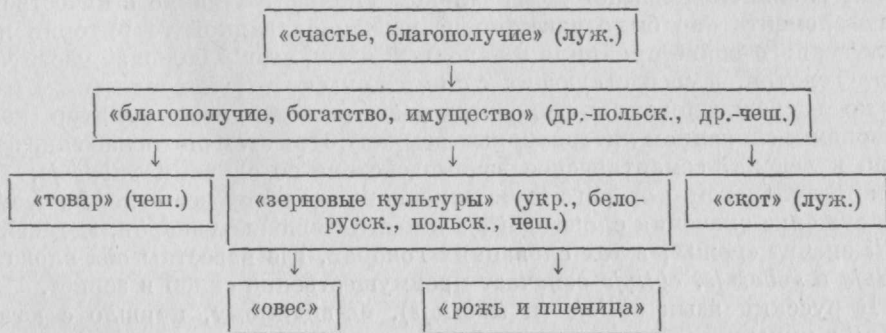
¹⁷ «Sorbscher Sprachatlas», 1, Bautzen, 1965, карта 27 (далее — SSA).

внимание населенные пункты, через которые можно провести намеченные изоглоссы: в них известны оба значения, характеризующие соседние области по обе стороны изоглоссы.

2. *Szbožýje*. Это слово можно считать праславянским регионализмом. Представляется убедительной гипотеза о его происхождении О. Гуйера¹⁸: *szbožýje* — абстрактное существительное, образованное от прилагательного *szbogъ* «счастливый» (антоним — *ubogъ* «несчастливый, бедный»). Однако и само прилагательное (известное с суффиксом -ън-: *szbožъnъ*) и существительное *szbožýje* выступают сегодня на ограниченной части славянской территории, а именно в польских, лужицких, чешских, словацких, украинских и белорусских говорах. Эта территория несколько уже территории распространения слова *žito* в значении «рожь».

Семантические различия делят территорию, на которой выступает *szbožýje*, по основному противопоставлению: «зерновые культуры» — «товар, предмет купли и продажи». Первое значение характеризует польские, белорусские, большую часть украинских и словацких говоров, некоторые чешские (ляшские, моравские), причем иногда оно сужается до значения «зерновые культуры в зерне» или «зерновые культуры на корню» в нескольких украинских населенных пунктах; в Белоруссии в двух населенных пунктах¹⁹ отмечено в этом значении *zbažy'na* при *z'božjo*, *z'božo* «зерновые культуры»; в некоторых других пунктах *zbažy'na* выступает в общем значении, иногда же, напротив, расширяется до значения «полевые культуры: зерновые, свекла, картофель» (в двух чешских населенных пунктах²⁰). Второе значение «товар» характерно для чешских говоров и записано один раз на территории украинского языка. Значение «имущество» (обычно движимое, домашнее имущество, одежда, белье) отмечено в некоторых украинских говорах. Своеобразные значения слова *szbožýje* представлены на лужицкой территории, что свидетельствует об особом, отличном от других славянских диалектов, семантическом развитии этого слова на лужицкой территории. *Szbožýje* значит «скот» в собственно нижнелужицких говорах, а в верхнелужицких и переходных «двойной колос», в переходных — также «счастье» (в верхнелужицких «счастье» — *gluka*; изоглосса значения «двойной колос» у слова *zbožъ* не всегда совпадает с изоглоссой *zbože(-o)/gluka* «счастье»²¹).

Все эти значения очевидным образом связаны с гипотетическим исходным значением *szbožýje* «счастье, благополучие». Семантическое развитие:

¹⁸ О. Н у j e r, K výkladu některých slov: 22. *!szbožýje, szčęstýje*, «Příspevky k historii a dialektologii jazyka českého», Praha, 1961, стр. 315—323.

¹⁹ Дер. Бережно Кореличского р-на и дер. Селище Новогрудского р-на Гродненской обл.

²⁰ См. карту пробного выпуска ОЛА, посвященную семантическим различиям слова *szbožýje*.

²¹ SSA, 1, карта 24; 2, карта 1.

Два последних значения отмечены в польских говорах («овес» — в подкарпатских, «рожь и пшеница» — в восточной части Великопольши), что является полной аналогией семантического развития слова *žito* «зерновые культуры» → «отдельные виды зерновых культур». Менее ясно значение «толпа людей», отмеченное в двух украинских населенных пунктах. Можно предположить такое развитие значения: «богатство» → «обилие, множество» → «толпа».

3. *Obilьje*. Происхождение и история этого слова на славянской языковой территории остаются не до конца ясными. Авторы большинства этимологических словарей видят в нем существительное, производное от прилагательного **obilь* < **obvilь* «обильный». Об этом убедительно свидетельствуют данные старославянского языка, значение соответствующих существительных и прилагательных в современных литературных южнославянских и русском языках. Значение др.-русск. *обиліе* «хлеб в зерне», многочисленные свидетельства русских диалектологических источников о значениях, связанных с названиями зерновых и огородных культур, чешское и словацкое литературное и диалектное *obilí, obilie* вполне согласуются с этим исходным значением и представляют собой его развитие и конкретизацию: «обилие, богатство» → «зерновые культуры»; «хлеб в зерне». О. Н. Трубачев²² предложил новую этимологию, исходя из этого последнего значения и связывая *obilьje* с глаголом *biti* в значении «молотить (хлеб)»; отсюда следует вывод о противоположном направлении семантического развития. Однако анализ имеющегося в нашем распоряжении материала склоняет нас к мысли об исконности значения «обилие, большое количество» у слова *obilьje*.

Прежде всего нигде, как кажется, не зафиксировано значение «молотить хлеб» у глагола *biti* (и приставочного образования *obiti*) — нет его ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, ни в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, ни в «Словаре русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина (в двух последних словарях приводится большое количество специальных, производственных значений этого глагола), ни в словарях чешского или словацкого языков. В диалектах современных южнославянских языков *obilьje* неизвестно, хотя оно сохраняется во всех соответствующих литературных языках. Можно предположить, что это слово являлось элементом тех языковых образований, которые С. Б. Бернштейн удачно определил как культурные койне славянских языков дофеодальной эпохи²³. Именно в качестве такого элемента оно было известно на чешско-словацкой территории и из культурного койне проникло в народный язык, став в большей части чешских говоров, в соседствующих с ними польских (южносилезских) и западно- и среднесловацких диалектах названием зерновых культур (как в чешском и словацком литературных языках). При этом оно неизбежно вступало в лексико-семантическое взаимодействие со словами *sъbožьje, žito, rъžь*, результатом которого было изменение значений всех слов, в частности сужение значения слова *obilьje* в части ляхских говоров, где сейчас *obilí* значит «рожь»; в тех словацких говорах, где известны оба слова — *obilьje* и *sъbožьje, obilie* означает преимущественно «хлеб в зерне».

В русский язык *obilьje* (и *izobilьje*), по-видимому, пришло с юга²⁴; войдя в культурный пласт русской лексики, оно претерпело такое же лек-

²² О. Н. Трубачев, Славянские этимологии. 8. *obilьje*, сб. «Езиковедски изследованиа в чест на акад. С. Младенов», София, 1957, стр. 338.

²³ С. Б. Бернштейн, К истории славянского суффикса -tel', сб. «Русское и славянское языкознание», М., 1972, стр. 37.

²⁴ Ф. П. Филин считает только *изобиліе* церковнославянским элементом в лексике древнерусских летописей, а *обиліе* и в значении «множество, богатство», и в значении

сико-семантическое изменение, как и на чешско-словацкой почве — «обилие, большое количество того, что уродилось в поле, зерновые культуры». Это изменение произошло самостоятельно в древнерусском языке, вернее в его локальной разновидности — в языке западных русских земель, Псковской и Новгородской²⁵, откуда слово могло проникнуть и в народный язык на территории северных русских земель. Подобное предположение позволяют сделать данные древнерусских памятников и современные диалектные данные. Вместе с новгородской колонизацией *obilje* в значении «зерновые культуры» могло распространиться по русскому Северу²⁶. Об этом говорят многочисленные свидетельства русских лексикографических и диалектологических источников, показывающих наличие этого слова в северных и северо-западных русских говорах, причем в значениях, не выходящих за пределы указанного, довольно широкого значения.

Материалы АРНГ²⁷ говорят о том, что на большей части русской территории в настоящее время слово *obilje* неизвестно. Отсутствует оно и в большинстве севернорусских говоров. Здесь *об'ил'ье* отмечено в значениях: «много, большое количество» (в южной части Вологодской, в Ярославской, Костромской и Калининской областях), *об'ил'ье* и *об'ил'йб* «(хороший) урожай (хлебов)» — в отдельных населенных пунктах на всей севернорусской территории (относительно компактная территория в верховьях р. Ваги), «хлеб на полях» — в говорах по р. Сухоне. Значения «много, большое количество» и «хороший урожай» зафиксированы в отдельных населенных пунктах и небольших группах населенных пунктов на всей русской территории — в северо-западных и западных русских говорах, причем эти значения фиксируются для слов *обилье*, *изобилье*, *обильный* (урожай) (прилагательное часто приводится в ответах на вопросы о значении слова *обилье*). В нескольких населенных пунктах к западу от Москвы отмечено значение «богатство».

Особо надо отметить типичные для северо-западных русских говоров значения «огородные культуры, овощи», «урожай овощей». Материалы АРНГ, картотеки ПОС, картотеки СРНГ фиксируют в этих значениях *аб'ил'йб*, *б'ил'йб*, *б'ел'ье*, *аб'ил'нойе*, *об'ил'йна*, *об'ел'ма* и т. д. Именно эти формы: с одной стороны, субстантивированное прилагательное среднего рода, а с другой — формы, которые В. И. Даль квалифицирует как искажение слова *обилье*, могут свидетельствовать о древнем процессе усвоения народным языком слова древнерусского культурного койне

«хлеб на корню, зерно» относит к элементам восточнославянской основы лексического состава древних летописей. См.: Ф. П. Ф и л и н, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949, стр. 70, 132. В связи с этим можно обратить внимание на тот факт, что значения, связанные с названиями зерновых культур, развивались только у слова *obilje*, но не у приставочного образования *izobilje*, которое, например, неизвестно в чешском и словацком языках.

²⁵ Там же, стр. 265—266; И. И. С р е з н е в с к и й, Материалы для словаря древнерусского языка, 2, стр. 506.

²⁶ Р. И. Аванесов указывал на отсутствие слова *обилье* в говорах владимиرو-поволжской группы как на подтверждение отличия и в лексическом отношении этих говоров от остальных северновеликорусских (Р. И. А в а н е с о в, К вопросам образования русского национального языка, ВЯ, 1953, 2, стр. 68). Ср. также другое высказывание этого же автора: «В лексическом отношении (в XIII — первой половине XIV вв. — В. К.) яснее выделяется древний Новгород, диалекту которого были свойственны такие слова, как... *обилье* (хлеб, урожай на корню)...» (Р. И. А в а н е с о в, Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности, сб. «Вопросы формирования русской народности и нации», М., 1958, стр. 175).

²⁷ См.: «АРНГ центральных областей к северу от Москвы», карта 403, материалы «АРНГ северо-западных областей СССР», вступительные статьи «АРНГ центральных областей к западу от Москвы» (стр. 238—239 рукописи) и «АРНГ центральных областей к югу от Москвы» (стр. 122—123 рукописи).

obil'je, о процессе «натурализации» его в говорах. В ходе такого процесса могли возникнуть также народно-этимологические ассоциации *obil'je* — *biti*, результатом которых явились значения «обмолоченный хлеб», «хлеб в зерне», «хлеб, приготовленный к помолу». Процесс проникновения слова в народный язык и распространения его в диалектах русского языка протекал неравномерно. Поэтому мы не находим сейчас сплошной территории распространения слова *obil'je* в русских говорах, не можем провести изоглосс, показывающих лексико-семантические различия этого слова на русской территории. К тому же встречный поток распространения общелитературного значения «большое количество, богатство, достаток» размывает и те неясные очертания территориальных групп со словом *obil'je* в различных значениях, которые, возможно, были видны когда-то²⁸.

Таким образом, на территории современных славянских диалектов можно выделить две области: чешско-словацкую и островки на севернорусской территории, где *obil'je* выступает в значении «зерновые культуры, хлеб и зерно» (и некоторых других, тесно связанных с этими значениями, например, «необмолоченный хлеб», «хлеб, приготовленный к помолу»), и западнорусскую, где *obil'je* значит «овощи, урожай овощей».

4. «Рожь» (*Secale cereale*). В названиях культуры *Secale cereale* на славянской территории противопоставляются два слова: *ръжь* и *žito*. *Ръжь* — слово однозначное; этот факт, а также не вызывающая сомнений этимология позволяют считать его исконным названием культуры *Secale cereale*. Это название свойственно большей части русской территории, части ляхских и моравских говоров чешского языка, юго-восточным верхнелужицким говорам, большей части южнославянских диалектов (в одном болгарском населенном пункте зафиксировано в этом значении производное существительное *ръžnica*). *Žito* стало названием ржи в диалектах польского, лужицкого, чешского, словацкого, украинского и белорусского языков, в отдельных западноболгарских, северо-восточных словенских говорах. *Obil'je* вытеснило слово *ръжь* в части чешских ляхских говоров. В качестве названий ржи отмечены также следующие слова: *stern* (в словенском населенном пункте Мостец), *zimica* (в хорватских населенных пунктах Трогир и Синь) и *zimnica* (в хорватском населенном пункте Дрветине)²⁹. Первое связано с названиями поля после уборки зерновых культур, откуда, вероятно, оно было перенесено на название одной из культур — ржи, второе и третье означают, собственно говоря, то, что рожь является здесь преимущественно озимой культурой³⁰. Форма *šegala*, заимствованная в словенских говорах из венецианского диалекта итальянского языка, восходит к итал. *segala* (лат. *secale*).

5. «Пшеница» (*Triticum vulgare*). В качестве названий культуры *Triticum vulgare* на славянской территории известны только два слова: *ръшенica*, древнее производное от *ръшено* (означавшего также, видимо, какую-то зерновую культуру и сохранившегося сегодня далеко не повсеместно в качестве названия крупы), и *žito*. Изоглосса распространения слова *žito* в этом значении выделяет моравско-словацкую пограничную об-

²⁸ Ср.: «... слово *обил'е*, видимо, уже не может служить дифференцирующим признаком для говоров изучаемой нами территории (имеется в виду его отсутствие в говорах владими́ро-пово́лжской группы. — В. К.), так как оно почти повсеместно употребляется в том же значении, что и в литературном языке — „множество, избыток чего-либо“» (Г. Г. Мельниченко, Этнический состав населения Владимиро-Суздальского княжества, ВЯ, 1970, 5, стр. 20—21).

²⁹ См. карту пробного выпуска ОЛД, посвященную лексическим различиям названий ржи.

³⁰ В нескольких русских населенных пунктах мы столкнулись с тем, что озимые не имеют особого названия, так как единственной озимой культурой является в этих местах рожь.

ласть (часть среднесловацких, восточнословацких и моравско-словацких говоры, к которой примыкают ляхские говоры, кроме восточноляшских и собственно Тешинской области, по терминологии А. Келлнера) и соседние говоры польско-ляшского пограничья на территории Польши, говоры на севере Сербии и Хорватии и большую часть болгарских диалектов (кроме части западных). В словацких говорах распространены сложные наименования *čisté žito*, *krásno žito*, *kolačkové žito*, *drobné žito*, *melací žito*, *ozimné žito*. Таким образом, эта изоглосса выделяет территорию, являющуюся как бы частью территории распространения слова *ръжь* «рожь».

6. «Ячмень» (*Hordeum*). Большая часть славянских названий этой культуры восходит к **ješьту* (или, вернее, к форме винительного падежа этого существительного *ješьмень*³¹). На значительной части русской территории (северно- и западнорусские говоры) было известно название *žito*, которое, видимо, в свое время вытеснило слово *ješьту*. Однако в настоящее время почти повсеместно записаны оба слова в значении «ячмень»; под влиянием литературного языка слово *žito* отстывает, становится архаичным, что отмечают в материалах для ОЛА многие собиратели. *Žito* в значении «ячмень» записано в двух хорватских населенных пунктах (Трогир и Сали на о. Дуги Оток).

Небольшую, но компактную территорию образует слово *jaťсь* в значении «ячмень» — это, в основном, восточнословацкие диалекты, примыкающие к ним с запада украинские закарпатские (на восток от р. Река) и с севера — малопольские³². Образование такого же типа — *ozimьсь*, которое характеризует хорватский говор о. Црес. В одном словенском населенном пункте отмечено слово *kaša*, у которого значение «ячмень» также является переносным, вторичным. В двух пунктах в качестве названия ячменя выступают заимствования: *škandjel* — из итальянского языка (в одном хорватском населенном пункте) и *ašpren* из немецкого (в одном словенском населенном пункте).

7. «Зерновые культуры». Три больших области выделяют древние славянские названия *сьбожьє*, *žito*, *obilьє* в значении «зерновые культуры». Первое распространено на всей территории польского языка, в чешских ляхских говорах, в западно- и среднесловацких диалектах, на большей части украинского и белорусского языков. В западной части украинско-белорусского Полесья оно известно в форме женского рода *сьбожь*, а в некоторых белорусских говорах (Гродненской области и Полесья) выступает суффиксальное образование *сьбожина*, причем в отдельных говорах отмечено различие: *сьбожьє* «хлеб в зерне» — *сьбожина* «хлеб на корню» (ср. выше).

Žito в значении «зерновые культуры» характеризует словенские, сербскохорватские и македонские говоры, восточную часть русских и отдельные смоленские и псковские говоры, а также юго-восточную часть верхнелужицкого диалекта.

Хлѣбъ — типично русское название, выступающее на всей русской территории и вытесняющее *žito*. Оно записано и в восточных белорусских говорах, и на значительной части украинской территории, а также sporadически встречается в польских говорах.

³¹ К формам именительного падежа восходят непосредственно кашубские формы, к суффиксальным производным и усеченным формам, которые можно условно реконструировать как *ješьть*, *ješьтѣкъ*, *ješьтьсь* — сербскохорватские и болгарские названия (см. карту пробного выпуска ОЛА, посвященную названиям ячменя).

³² И. О. Дзєндзєлєвськїй, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Лексика, ч. 1, Ужгород, 1958, карта 71; е го ж е, Назви сільськогосподарчих культур у говорах Закарпаття, «Studia slavica», VI, 1960, 1—2; S. Hrabec, Z. Stieber, Przyczynki do słownictwa gwar ukraińskich w Karpatach, «Rozprawy komisji językowej ŁTN», 1956, 4.

На компактной территории чешских говоров (кроме части ляхских), южнославянской и польско-ляшской на территории Польши, части западнословацких и всех среднесловацких говоров выступает *obilje*.

Восточнословацкие говоры, соседние с ними украинские закарпатские характеризуются словом *zrno* (в одном населенном пункте по материалам ОЛА — *zrnivo*). Это название отмечено и в некоторых других украинских говорах, в двух населенных пунктах на границе Белоруссии и России, а также в одном полесском белорусском говоре³³.

Для центрального и восточного Полесья на территории Белоруссии характерно название *pašnja*, причем в отдельных центральнополесских говорах *pašnja* означает «яровые хлеба». Кроме полесских, слово *pašnja* (и *pašnica*) известно в значении «зерновые культуры» некоторым другим белорусским и отдельным украинским говорам.

В различных белорусских говорах (Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской областей, на Полесье) в значении «зерновые культуры» выступает слово *dobro*, а на Полесье это слово может иметь значение «зерновые культуры и овощи» (в говоре дер. Симоновичи зарегистрировано очень широкое значение этого слова: «поле с рожью», «вообще поле», «огород с растущими культурами», «обмолоченное зерно», «пища на столе».

В трех населенных пунктах на словенско-хорватской границе зафиксированы названия с корнем *střn-*; такой же перенос значения («поле после жатвы зерновых культур» → «зерновые культуры») уже отмечался при анализе названий ржи.

На территории Болгарии выступает слово *xorna*. Это название того же типа, что и *xlěbъ*, *žito*: значение «зерновые культуры» развилось в нем из значения «пища, средства пропитания».

Jarina — название яровых хлебов стало общим названием зерновых культур в одном польском и одном русском говоре на территории Литвы (в последнем отмечено и *z'božje*, но информаторы знают его как польское). *Urožajъ* характеризует говоры двух населенных пунктов, расположенных на русско-белорусской границе³⁴.

В лужицких говорах (кроме юго-востока верхнелужицкого диалекта) выступает заимствование из немецкого языка *trajda*.

Отмечены единичные названия славянского происхождения: *těkъ* (в одном словенском населенном пункте), *silbje* (в одном словенском населенном пункте), *sějanje* (в одном украинском населенном пункте); заимствования — *zajre* (из турецкого) и *bereket* (из арабского) в ряде болгарских говоров. Последнее слово означает собственно «урожай» (ср. белорусск. *игы'žaj* со значением «зерновые культуры»).

Анализ славянских общих названий зерновых культур приводит к выводу, что все они относительно позднего происхождения, значение «зерновые культуры» появилось у всех слов (являющихся праславянскими) в результате переноса значений. Можно высказать предположение, что в праславянском языке общего названия не существовало³⁵. И сейчас в ряде говоров общее название отсутствует — это характерно, например, для значительной части болгарских диалектов, в которых отмечены описательные названия типа *žitni rastenija*, *zərnəni ras'tenija*, *zərnəni*, *zrənəni*

³³ Дер. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл. См.: Л. Ц. В ы г о н н а я, Земляробчая тэрміналогія, в кн.: «Лексіка Полесья ў прасторы і часе», Мінск, 1974, стр. 55.

³⁴ В русском говоре записано и *xl'e'ba* с пометой «чаще яровые».

³⁵ О. Н. Трубаев, упоминая о том, что, в частности, слово *xlěbъ* не могло служить первичным названием зерновых культур, предлагает праславянским словом с этим значением считать *obilje* (О. Н. Т р у б а е в, Славянские этимологии. 8. *obilje*, стр. 337), что представляется сомнительным, см. выше.

rastenija, в одном белорусском говоре — *z'erna'vyja kul'tury*, в украинском — *zyrnóvi*, являющиеся совершенно очевидно новейшим приобретением; в нескольких русских населенных пунктах употребляются только названия отдельных культур.

Само разнообразие лексем, выступающих в значении «зерновые культуры», говорит об отсутствии общеславянского и праславянского слова с этим значением, а небольшие территории распространения отдельных слов в этом значении (*zrno, dobro, jarina, urožaj, pašnja, stьrn-*) при сохранении их исконного значения на той же территории говорит о недавнем характере семантического изменения.

Последнее замечание о группе слов, обозначающих зерновые культуры, касается форм *pluralia tantum xľba* и *žita* ³⁶. В имеющихся материалах значения форм единственного и множественного числа в большинстве случаев не разграничены. Только в отдельных случаях отмечены различия типа: *xľ'er* «зерновые культуры в зерне», *xľ'a'ba* «зерновые культуры на корню» или *xľ'er* «все злаковые», *xľ'i'ba* «злаковые на корню». Возможно, такое различие в действительности существует повсюду, но находящиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности разграничить территории употребления только одной из форм и совместного употребления обеих форм. Форма *pluralia tantum žita* отмечена в одном словенском и одном хорватском населенном пункте (по материалам ОЛА), причем в хорватском она записана в качестве единственной, а в словенском — наряду с формой единственного числа.

*

В заключение попытаемся реконструировать лексико-семантические отношения в рассмотренном микрополе, его состав на разных этапах развития праславянской языковой системы и определить типологию семантических изменений в его пределах. Исконными, праславянскими и общеславянскими в этом микрополе являются названия таких распространенных почти на всей славянской территории зерновых культур, как **jeьtu*, **rъžь*, **proso*, **oьsъ*, **рьšeno/рьšenica* соответственно для видов *Hordeum vulgare*, *Secale cereale*, *Panicum miliaceum*, *Avena* ³⁷, *Triticum vulgare*. Можно предположить, что эти слова были единственными названиями данных культур, известными праславянскому языку на раннем этапе его развития. Об исконности подобных форм свидетельствует и то, что даже после утраты слова *rъžь* в некоторых славянских диалектах (где его вытеснило в этом значении *žito*) корень *rъžь* продолжал сохраняться на этих территориях в производных образованиях, прежде всего в названиях ржаной соломы и поля после уборки ржи (становясь в отдельных случаях названием поля после уборки любой зерновой культуры) ³⁸. Можно добавить к этому, что названия поля после уборки пшеницы во многих говорах образуются от корня *рьšep-* (а не *рьšenic-*), что может служить подтверждением исконности бессуффиксальной формы ³⁹. Названия отдельных зерновых

³⁶ О происхождении подобных форм см.: С. И. Котков, *Ржи, овсы, хлеба*, «Русская речь», 1968, 6.

³⁷ Славянские названия проса и названия овса в данной статье не рассматриваются, так как связанные с ними лексические различия представляют меньший интерес для нашей темы.

³⁸ Ср., например, «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, карты 269, 270.

³⁹ *Пшана* «пшеница» отмечено в одном населенном пункте Белебелковского р-на Новгородской обл. (по данным АРНГ); ср. также у В. И. Даля («Толковый словарь живого великорусского языка», III, стр. 546), в словарной статье *пшеница* в качестве иллюстративного примера: *красно поле пшеном, а беседа умом*; а также производное *пшанина* иск. твр. «пшеничное тесто».

культур сохраняются, как правило, на больших территориях в своих первоначальных значениях или вытесняются относительно более новыми названиями (типа *žito*, *obilje*), но не заменяют друг друга ⁴⁰.

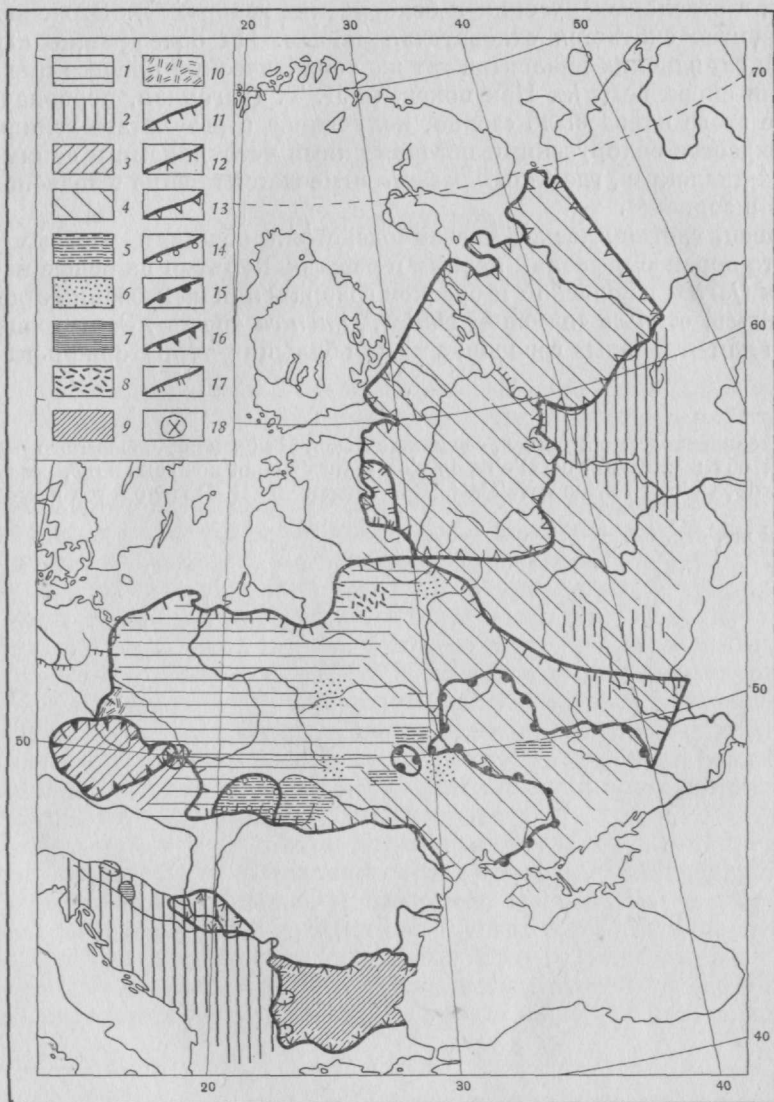
Праславянское и общеславянское *žito* с первоначальным значением «средства существования, средства пропитания» было, видимо, одним из первых общих названий зерновых культур. Сейчас трудно решить, во всех ли праславянских диалектах семантическое развитие этого слова прошло через стадию «зерновые культуры». Вполне возможно, что в некоторых из них оно сразу стало обозначать наиболее распространенный, более важный в хозяйственном отношении вид зерновых. Аналогичное семантическое изменение наблюдается в истории развития значений слова *хотпа* в болгарских говорах и слова *хлѣбъ* на восточнославянской территории в некоторых болгарских диалектах. В отдельных русских говорах отмечены даже зачатки семантического изменения, состоящего в конкретизации значения и закреплении слова за названием одного вида злаковых (например, в одном новгородском и одном брянском говоре записано: *хл'ер* «обычно „рожь“ как основная хлебная культура»).

Събожье и *obilje* можно считать праславянскими регионализмами. Они также прошли сходный путь семантического развития: «счастье, благополучие» → «богатство, имущество» → «зерновые культуры». В отдельных славянских говорах отмечаются случаи конкретизации этого последнего значения: *obilje* «рожь» в части чешских ляхских говоров, *събожье* «овес» в подкарпатских польских говорах, «рожь и пшеница» в восточной Великопольше. Близка к этому и семантическая эволюция слова *dobro* в белорусских говорах — и здесь из общего значения «то, что хорошо, полезно» ⁴¹ развилось значение «зерновые культуры». Это слово в общем значении обозначает и хлеб на поле, и хлеб в зерне. Одно из значений, отмеченных в белорусском полесском говоре у слова *dobro* «поле с рожью, вообще поле, огород с растущими культурами», — по-видимому, следующий шаг в семантическом развитии, являющийся естественным следствием отождествления «хлеба на поле» = «поле с хлебами». Возможно, такая же мотивировка семантического изменения присутствует в словенско-хорватском переносе названия поля после уборки зерновых на общее название злаков в словах с корнем *stern-*. Однако тут существует и другая возможность объяснения, так как слова с этим корнем могут означать не только поле после жатвы, но и стебли зерновых на поле после уборки хлебов. Во всяком случае подобные изменения характеризуют небольшие диалектные территории.

Во многих славянских диалектах проявляется тенденция разграничить название злаков на корню, в поле и зерна злаковых культур, что несомненно обусловлено и внелингвистическими причинами — хозяйственной важностью такого разграничения. Нами отмечались различные случаи сужения значения «зерновые культуры» у слова *obilje* («хлеб на корню», «хлеб в зерне», «необмолоченный хлеб», «хлеб, приготовленный к помолу»),

⁴⁰ Своего рода исключением является название гречихи, культуры позднего происхождения на славянской территории, отмеченное на небольшой территории в северо-западной части нижнелужицкого диалекта: *pšušnica* < *prošnica* (SSA, 1, карта 30). Слово неизвестно в соседних польских и чешских говорах. См.: Н. Р о р о w s k a - T a b o r s k a, Nad pierwszym tomem Językowego atlasu łużyckiego, «Lingua poznaniensis», XIV, 1969, стр. 75.

⁴¹ Не исключено, что и здесь это развитие прошло через стадию (или по крайней мере пересеклось с ней) «средства пропитания», о чем может свидетельствовать отмеченное для этого слова как архаическое значение «пища на столе» в одном полесском говоре.

Сводная карта лексико-семантических изоглосс славянских названий зерновых культур: слова, отмеченные со значением «зерновые культуры»: 1 — *sъbožьje*, *sъbožь*, *sъbožina*, 2 — *žito*, *žita* (pl. t.), *žitъкъ*, *žitarica*, 3 — *obilьje*, 4 — *xlěbъ*, *xlěba* (pl. t.), 5 — *zъrno*, *zъrnivo*, 6 — *pašьnja*, *pašьnica*, 7 — *stъrнь*, *stъrньno*, *stъrньeno*, 8 — *dobro*, 9 — *xorna*, 10 — *trajda*; границы распространения слов: 11 — *žito* «рожь», 12 — *žito* «пшеница», 13 — *žito* «ячмень», 14 — *jaрьсь* «ячмень», 15 — *sъbožьje* «имущество», 16 — *sъbožьje* «товар», 17 — *obilьje* «овощи, урожай овощей», 18 — *obilьje* «рожь»

соответствующие различия форм *xlěbъ* и *xlěba*, *sъbožьje* и *sъbožina*. В результате такого сужения значения возникла синонимия слова с общим значением с общеславянским и праславянским *zъrno* (в функции собирательного существительного). На почве этой синонимии создавалась возможность расширения значения слова *zъrno*, которое начинает обозначать «зерновые культуры вообще» (в восточнославянских, украинских закар-

патских, в отдельных русских и белорусских говорах ⁴²). Это семантическое развитие считается относительно новым. На более ранних ступенях развития славянских диалектов тот же семантический процесс имел место в истории слова *rašnja*. Как показала Л. Т. Выгонная, первоначальное значение этого слова было «зерно, полученное в результате веянья». Это подтверждается белорусскими историческими источниками и данными украинских диалектов, где слово *rašnja* отмечается именно в значении «зерно, хлеб в зерне» ⁴³.

Наконец, третья плоскость взаимодействия общих и частных названий — это перенос названий яровых и озимых культур на общее название зерновых (*jarina* в польском и русском говорах) или на названия отдельных видов: *jarьсь*, *ozimьсь* «ячмень», *zimica*, *zimьnica* «рожь». Этот процесс характерен для отдельных говоров, а не для больших территориальных массивов.

⁴² Красноречива такая запись, сделанная в дер. Княжская Ковровского р-на Владимирской обл.: **žyto/z'er'no/xl'e'ba* [o'v'os k fura'žu ot'nos'ic:a, a roš, pəše'n'ica — xl'a'ba, 'žytə, t'e'p'er'z'er'no gəvə'r'at]. Ср. также: Л. Ц. Выгонная, указ. соч. стр. 55.

⁴³ Там же, стр. 62.